

© ВИШЛЕНКОВА Е. А., ЗАТРАВКИН С. Н., 2023
УДК 614.2Вишленкова Е. А.¹, Затравкин С. Н.²

ДОСТИЖЕНИЯ И ДЕФИЦИТЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

¹Фрайбургский институт перспективных исследований, 79104, Фрайбург, Германия;²ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, 105064, г. Москва

Авторы обсуждаемой на форуме книги размышляют о тематике и трудностях собственных и коллективных исследований советского прошлого. Рецензии на книгу побудили их не только раскрыть творческие замыслы, аналитические подходы и методы, но и оценить состояние исследовательского поля «история советского здравоохранения», его тенденции и дефициты, предложить магистральные направления в его разработке.

Ключевые слова: история медицины; советское здравоохранение.

Для цитирования: Вишленкова Е. А., Затравкин С. Н. Достижения и дефициты истории советского здравоохранения. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023;31(3):500–504. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-500-504>

Для корреспонденции: Затравкин Сергей Наркизович, д-р мед. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории медицины ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, e-mail: zatravkine@mail.ru

Vishlenkova E. A.¹, Zatravkin S. N.²

THE ACHIEVEMENTS AND DEFICIENCIES OF HISTORY OF THE SOVIET HEALTH CARE

¹The Freiburg Institute for Advanced Studies, 79104, Freiburg, Germany;²The Federal State Budget Scientific Institution “The N. A. Semashko National Research Institute of Public Health” of the Minobrnauka of Russia, 105064, Moscow, Russia

The authors of the book under discussion on the forum speculate on subject matters and difficulties of their own and collective studies of the Soviet past. The reviews of the book prompted authors not only to reveal creative concepts, analytical approaches and methods, but also to assess state of the research field “History of the Soviet health care”, its trends and deficiencies and to suggest main directions of its development.

Keywords: history of medicine; the Soviet health care.

For citation: Vishlenkova E. A., Zatravkin S. N. The achievements and deficiencies of history of the Soviet health care. *Problemy socialnoi gigieni, zdavoookhraneniya i istorii meditsini*. 2023;31(3):500–504 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-500-504>

For correspondence: Zatravkin S. N., doctor of medical sciences, professor, the Chief Researcher of the Department of History of Medicine of the Federal State Budget Scientific Institution “The N. A. Semashko National Research Institute of Public Health” of the Minobrnauka of Russia. e-mail: zatravkine@mail.ru

Conflict of interests. The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study had no sponsor support

Received 22.01.2023
Accepted 28.02.2023

В размышлениях о советском здравоохранении и даже в названии своей рецензии на нашу книгу профессор П. Э. Ратманов использовал красивую метафору: советское здравоохранение как мифический единорог (инрог), в котором соединились элементы реальных животных — национальных систем здравоохранения иных стран и времен. Данный образ релевантен применительно к истории советской медицины по двум причинам: средневековые бестиарии считали рог этого животного исцеляющим болезнью¹, а Дмитрий Миропольский, автор историко-фантазийного бестселлера «Тайна трех государей», уверял читателей, что единорог — это символический ключ к раскодированию русской культуры и специфики российской истории [1].

И все же: идти историкам медицины по пути метафорического описания прошлого увлекательно,

но вряд ли спасительно. Оно не проясняет и не объясняет, но делает объект изучения загадочным. Этнографы давно уже заметили стремление «академических племен» представлять себя и свое прошлое принципиально непознаваемым [2]. Значит ли это, что историки медицины признают советские реалии необъяснимыми и могут только фиксировать их странности (не важно — восхищаться или ужасаться)? Или для препарирования советского здравоохранения просто недостаточны рутинные навыки пересказа и суммирования данных из источников, а нужны комплекты аналитических инструментов из разных дисциплинарных полей? Думаем, что значение форума — в поиске ответов на эти и связанные с ними вопросы.

Было ли советское медицинское прошлое такой уж непознаваемой «вещью в себе»? Или все дело в том, что, при наличии в СССР институционально организованных историков медицины, они мало преуспели в анализе современного им здравоохранения, зато преуспели в его экзотизации и мифоло-

¹ В печатной книге единорог впервые появился в 1491 г. в книге «Hortus Sanitatis» (с лат. — «Сад Здравия»), изданной Якобом Брейденбахом в Майнце. В этой книге единорог изображен на иллюстрациях к рассказам о противояднии.

Форум

гизации? Прочитывая многочисленные публикации 1950—1980-х годов по истории советской медицины, трудно поверить, что все эти сотни и тысячи трудов были рассказом о желаемом и воображаемом — то есть о единороге.

Наши коллеги правы: устройство советского производства знаний интересовало до нас многих исследователей, но не потому, что это своего рода спорт — «пинать предшественников» и «обличать явления семидесятилетней давности». Нас всех волнует вполне актуальный феномен «закрытой науки» [3], т. е. как функционирует экспертное знание в авторитарных системах. И речь идет не только об «анаконде на люстре» ученого в тоталитарных государствах², но и о возможности относить такие системы к модерности³, прочитывать их в современных терминах.

На материале историко-медицинских исследований мы убедились, что в СССР были столичные и региональные научные школы, институты и направления, которые производили диссертации, юбилейные брошюры и альбомы, исследовательские работы, сделанные как под копирку и не порождавшие при этом приращения нового знания. Всю эту массу литературы так и хочется сравнить с широкой асфальтированной дорогой с фонарями и скамейками, по которой в никуда шли организованные группы историков. Применительно к этой научной продукции мы поставили вопрос так, как до нас никто из историков медицины не ставил: как советским организаторам науки удавалось добиться, чтобы все эти многочисленные и часто не знавшие друг друга авторы писали не разные версии прошлого, а хорошо управляемую мифологию? В поисках ответа на этот вопрос мы обнаружили альянс партийной власти и академических руководителей в деле согласования исторического нарратива и поддержания его воспроизводства. Несколько десятилетий эта фабрика выпускала многочисленные вариации историй государства как просветителя и целителя народа [7]. При определенных условиях и воле она может быть легко восстановлена, поскольку есть память об этих технологиях. Собственно, именно их мы изучали. В этом смысле наш текст — превентивное средство против воспроизводства опасных явлений советской повседневности.

После распада СССР и открытия архивов история советского здравоохранения перестала быть монополией медицинских исследователей [8, 9]. В нее устремились социальные и демографические историки, культурологи, антропологи и этнографы всех стран. Возможно, что есть темы и зоны, в которых могут работать только историки с медицинским образованием, но советская история дает пример выигрыша от междисциплинарности. Интервенция последних 30 лет взорвала дисциплинарные границы и

расширила исследовательское пространство советского здравоохранения. Гуманитарии разных специальностей изучали раннесоветские проекты модернизации здравоохранения [10—12], опыт пациентов [13], историю болезней [15], демографические потери [16, 17], репродуктивную политику [18] и педологию [19]. Всё это территориальные, временные, проблемные фрагменты советской системы охраны здоровья или управления им. Но совокупно результаты новых «золотоискателей» высветили сложную ситуацию со здоровьем советского народа и постоянно перенастраиваемую систему здравоохранения, большие инфраструктурные дефициты в ней. При этом, в отличие от историков-инсайдеров, считавших «свою» систему уникальной, новые исследователи пытались ее «нормализовать», т. е. представить как «одну из» [20, 21], применяя к советскому здравоохранению критерии западной модерности (такие как «свободная» профессия и защищенные права пациентов) [22].

Мы благодарны профессору В. И. Бородулину за высокую оценку нашего труда, но манифеста явно не понадобится: мы — не революционеры. Наверное, наше преимущество в том, что мы не прячемся за дисциплинарными заборами, а новаторство — в том, что показали: за пределами джентрифицированной зоны советской историографии медицины лежит огромная неосвещенная территория без дорог и навигации. И в этом смысле мы солидаризируемся с утверждениями профессора С. П. Глянцева и бессмертными словами Воланда из романа «Мастер и Маргарита»: «Что же это у вас: чего нихватишься, ничего нет!».

В данной книге мы реализовали только малую часть задуманной работы — показать, как в длительной перспективе трансформировались авангардистские замыслы большевиков об идеальной стране со здоровым населением («твердые духом и телом трудящиеся»). При этом было важно удерживаться от соблазна ретроспективного доказательства, что прекрасный единорог был изначально обречен мутировать в безумного и членовредящего Навуходносора⁴.

Мы соединили институциональную реконструкцию с дискурсивной историей, выясняя, как и почему активисты здравоохранения меняли политики населения. Для чтения бравурных политических текстов и советских отчетов нам понадобились методы герменевтики, исторической семантики и культурной антропологии. Они хорошо защищают исследовательский глаз от «замыливания», появляющегося от чтения однородных по стилистике текстов советского новояза. Между тем медицинские историки почти не пользуются этими средствами защиты [24]. Кто работает со статистикой и протоколами архивов, тот редко изучает дискурсивные практики и этнографию медицинской профессии.

² Метафора американского китаиста Пери Линка о китайских историках, писавших свои труды с «анакондой на люстре» в виде контроля государства [4]. О страхах советских историков см. [5].

³ Обзор дебатов см. [6].

⁴ Сергей Прозоров утверждает, что эта мутация заложена в самой идее социализма, отвергавшей существующее во имя конструируемого будущего, общества и человека [23, Р. 39].

И наоборот, кто изучает эго-документы, чтобы выявить этику советского врача, биополитические замыслы большевиков [23, 25, 26], «феномен «советского человека» [27—31] или антропологию медицинского языка [32], тот, как правило, слабо осведомлен об инфраструктурных возможностях здравоохранения.

Мы согласны с профессором П. Э. Ратмановым: у советских текстов есть эзотерика, но с ними можно и нужно работать. Только анализировать их приходится не методами и подходами позитивистской науки. Она почти бессильна раскрыть их тайные смыслы и побуждает воспроизводить советские утопии. Для данной книги мы искали и находили новое у всех «под ногами», т. е. в официальной статистике и в центральных партийных и ведомственных архивах, во вполне официальной медицинской периодике и юбилейных изданиях, в учебниках. Но спрашивали мы их не только о фактах и концепциях, но и почему именно так они говорят, почему захотели это зафиксировать и сохранить? О чем молчат? Были ли другие свидетельства, которые утрачены? Для этого мы использовали аналитический инструментарий новой истории науки и антропологии знания, побуждающих исследователей читать свидетельства архивов и иных источников «поперек волокон» [33, р. 271]. Именно этот подход и создал увлекательность письма, о котором позитивно пишут наши коллеги. И мы благодарны им за это приятие: антропологически ориентированные исследования часто вызывают неприятие у медицинских историков в силу присущей им литературной свободы [34].

А дальше мы будем говорить о наших дефицитах.

Не всё, не всегда и не везде в советском здравоохранении было плохо. Мы старались показать зоны и времена прорывов. Если бы их не было, то непонятно, почему, например, у американских и британских врачей в 1930-е годы было увлечение «красной медициной» [35], или почему в 1960—1970-е годы постколониальные страны видели в социалистической медицине образец для подражания [36]. Но, может быть, в силу выбранной нами нарративной тактики — постоянного сопоставления политических намерений и статистики здоровья — или в силу тяги к преодолению восхвалительного пафоса советских исследователей наша книга прочитывается рецензентами как критика СССР. Мы стремились к аналитической нейтральности и исследовательской беспристрастности.

Назвав книгу «„Клубы“ и „гетто“...», мы сознательно пошли вслед за Пьером Бурдье на провокацию читателя и заострили социальные проблемы в советском здравоохранении. И мы упростили картину до бинарной оппозиции: у нас есть архитектор «гетто» — общей системы здравоохранения для населения, и у нас представлен «общий клуб» для элитных пациентов. Профессор П. Э. Ратманов прав: в стране были различающиеся республиканские системы охраны здоровья населения, были различающиеся по качеству медицинские институты в одной республике, были отличающиеся по уровню

больницы в одном и том же городе и, наконец, разные врачи в одной больнице. Да и советские элиты не были однородными: были профессиональные, партийные, художественные, национальные, региональные. Соответственно, «клубов» для них было тоже много, и у них были зоны пересечения, или, вернее, мостики для перехода границ.

Мы согласны с участниками форума, что этой книгой мы не закрыли исследовательское поле: нужно/важно изучение медицинских академических институтов, т. е. экспериментальной науки, и 3-го Управления, и ведомственного здравоохранения, и региональных систем здравоохранения, и многого другого. Дело не только в том, что трудно ожидать от одной книги компенсации всего, что не захотела сделать советская и что не успела сделать постсоветская историография. Но еще и в том, что, чтобы приступить к нюансированию и децентрализации, нужно иметь нечто целостное, пусть даже «центристскую» версию прошлого. Мы ее предложили: деконструировали советский («петровский») нарратив и из этих же строительных материалов (подобного же типа источников, хранящихся в открытом доступе библиотек и архивов) выстроили новый нарратив — сделали это без загадочного единорога и шипящей с люстры анаконды, по технологиям современных социальных наук. Вот теперь его можно дополнять, корректировать (в том числе воспоминаниями участников нашего форума) или пытаться развернуть из региональной перспективы (что профессионально и качественно делают в своих исследованиях профессора В. Ю. Башкуев и П. Э. Ратманов).

Сегодня ведется много международных обсуждений возможности децентрализации и деколонизации советского прошлого⁵. Главное сомнение участников дебатов состоит в том, позволит ли региональная перспектива избежать русоцентристского и государство-центристского исторического нарратива? Как собрать из атомизированных по территориальному признаку фрагментов прошлого страноведческий нарратив⁶?

На наш взгляд, сама по себе локальная перспектива не панацея, и уж точно она не сводится к краеведению. Послевоенный советский опыт показал, что иллюстративный подход («как в капле воды отражается море») не разрушал, а укреплял фокусировку центра. Сколько было написано историй национальных медицин, которые предстали простыми предтечами советской медицины, и сколько историй республиканских здравоохранений было написано как уменьшенные копии общесоветского нарратива медицинского прошлого. Мы можем идти по пути атомизации до бесконечности, до обретения «элементарных частиц» в виде удивительного врача,

⁵ Дискуссия историков России и Восточной Европы о деколонизации русской истории, см: <https://networks.h-net.org/node/10000/blog/decolonizing-russian-studies/12148542/periodization-decolonization>

⁶ Об этом глубокий комментарий на форуме H-Russia Александра Мартина (Alexander Martin).

Форум

уникальной больницы, поиска десяти различий между клиниками одного города или санаториями всего СССР. Это не даст нам истории страны в целом, истории советского здравоохранения как системы.

Но есть иной исследовательский опыт. Историки медицины монгольских народов [37] и Средней Азии [38, 39] доказали, что болезни (недуги), а также смысл социалистической медицины в этих регионах представляли иначе, чем в Москве, показали неоднородность местных врачей. Изучая Туркменистан, Халид обнаружил, что местные врачи формировали альянсы с центром в осуществлении медицинского контроля над здоровьем нации, но использовали расовые концепции не для унификационной биополитики центра, а для обоснования биорегионализма [40]. Мы не знаем, были ли такие союзы в других регионах и каким представал биорегионализм в Сибири, на Кавказе и в Прибалтике. То, что он точно был, доказывает всплеск медицинских публикаций 1990-х годов о порушенном советской политикой здоровье татарской, литовской, сибирской, грузинской наций (так называемая «субалтерная медицина»).

Если собирать историю советского здравоохранения из таких вариаций «советских медицин», то мы получим явно многомерное и сложно устроенное пространство с разными медицинскими биополитиками. В этом научном движении мы видим большой ресурс для будущего нашей дисциплины.

Исследование не имело спонсорской поддержки.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миропольский Д. Тайна трех государей. М.: Комсомольская правда; 2017.
2. Becher T., Trowler P. Academic Tribes and Territories: Intellectual Enquiry and the Cultures of Disciplines. 2nd ed. Buckingham: Open University Press; 2001.
3. Górný M. Science Embattled: Eastern European Intellectuals and the Great War. Aderborn: Schoeningh; 2019.
4. Link P. China: The Anaconda in the Chandelier. *The New York Review of Books*. 2002. April 11.
5. Уваров П. Ю. Как работает сообщество историков (о книге А. В. Гордона и ее печальных героях). В кн.: Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. Гл. ред. А. В. Чудинов. М.: ИВИ РАН; 2020. С. 319—43.
6. Девид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная, переплетенная? *Новое литературное обозрение*. 2016;(4):19—44.
7. Реннер А. Исследования по истории медицины в XVIII и XIX веков на Западе. Новые перспективы и проблемы. В кн.: Медицина России в годы войны и мира: Новые документы и исследования. Ред. Л. Булгакова. СПб.; 2012. С. 213—25.
8. Бородулин В. И., Банзелюк Е. Н., Бергер Е. Е. XXI век: кому писать историю медицины — врачам для врачей или историкам для историков? В кн.: *Opera Medica Historica*. Труды по истории медицины: Альманах РОИМ. Ред. К. А. Пашков. М.: ООО «Лакуэр Принт»; 2019. Вып. 4. С. 42—8.
9. Глянецев С. П. О социальной и традиционной истории медицины, или о том, кому изучать и преподавать историю медицины в XXI веке? (полемиические заметки). В кн.: *Opera Medica Historica*. Труды по истории медицины: Альманах РОИМ. Ред. К. А. Пашков. М.: ООО «Лакуэр Принт»; 2019. Вып. 4. С. 49—65.
10. Gross-Solomon S., Hutchinson J. Health and society in revolutionary Russia. Bloomington; 1990.
11. Williams Ch. Health and welfare in St. Petersburg, 1900—1941: Protecting the collective. London; 2018.
12. Grant S. Soviet nightingales: Care under communism. Ithaca; 2022.
13. Soviet Medicine. Culture, Practice and Science. Ed. by F. L. Bernstein. DeKalb; 2010.
14. Михель Д. Медицинская антропология. М.: Дело; 2017.
15. Миронова Н. А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М.; 2020.
16. Андреев Е., Дарский Л., Харьков Т. Население Советского Союза, 1922—1991. М.; 1993.
17. Blum A. L'Anarchie bureaucratique. Statistique et pouvoir sous Staline, (avec Martine Mespoulet). Paris: La Découverte; 2003.
18. Nakachi M. Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union. Oxford University Press; 2021.
19. Byford A. Science of the Child in Late Imperial and Early Soviet. Oxford University Press; 2020.
20. Hoffmann D. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism: 1914—1939. Ithaca, NY: Cornell University Press; 2011.
21. Hoffmann, D. and Timm, A. 'Utopian Biopolitics: Reproductive Policies, Gender Roles and Sexuality in Nazi Germany and the Soviet Union'. Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared. Ed. by M. Geyer and S. Fitzpatrick. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
22. Polianski I. Das Schweigen der Ärzte. Eine Kulturgeschichte der sowjetischen Medizin und ihrer Ethik. Stuttgart; 2014.
23. Prozorov S. The Biopolitics of Stalinism: The Ideology and Life in Soviet Socialism. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2017.
24. Афанасьева А. Э. Новая история медицины в XXI веке. *Преподаватель XXI век*. 2016;(4):486—99.
25. Collier S. Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics, Princeton. NJ: Princeton University Press; 2011.
26. Geipel I. Schoner Neuer Himmel. Aus dem Militärlabor des Ostens. Hamburg; 2022.
27. Зиновьев А. А. Homo soveticus: para bellum. М.: Московский рабочий; 1991.
28. Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: ЕУСПбPRESS; 2002.
29. Klaus G. Der Homo Sovieticus und der Zerfall des Sowjetimperiums. Jurij Levadas unliebsame Sozialdiagnosen. *Zeithistorische Forschungen = Studies in Contemporary History*. Online-Ausgabe, 2013;10(2). Режим доступа: <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Gestwa-2-2013>
30. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford University Press; 1999.
31. Fitzpatrick Sh. Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton University Press; 2005.
32. Born to Be Criminal. The Discourse on Criminality and the Practice of the Punishment in the late Imperial Russia and Early Soviet Union. Interdisciplinary Approaches. Nikolosi R., Hartmann A. (eds). Bielefeld: Transcript; 2017.
33. Stoler A. Colonial Archives and the Arts of Governance: On the Content in the Form. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ed. by F. X. Blouin, W. G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press; 2006.
34. Афанасьева А. Э. Исследовательская программа и проблемное поле «новой истории медицины» в XXI веке. *История: электронный образовательный журнал*. 2015;(9):12.
35. Ратманов П. Э. Советское здравоохранение на международной арене в 1920—1940-х гг.: между «мягкой силой» и пропагандой (Западная Европа и США). Хабаровск: Изд-во ДВГМУ; 2021.
36. Iakob B. C. Health. Socialism goes global: Soviet Union and Eastern Europe in the Age of Decolonization. Ed. by J. Mark, P. Betts. Oxford; 2022. P. 270—4.
37. Башкуев В. С. Исторический опыт взаимодействия России и монгольских народов в области медицины и охраны здоровья: последняя треть XIX — первая половина XX вв. Дисс. ... докт. ист. наук. Улан-Удэ; 2017.
38. Cavanaugh C. M. Backwardness and Biology: Medicine and Power in Russian and Soviet Central Asia, 1868—1934. PhD Diss. New York: Columbia University; 2001.
39. Michaels P. A. Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh: Pittsburgh University Press; 2003.
40. Khalid Ad. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. University of California Press; 2014.

REFERENCES

1. *Miropol'skij D.* The Secret of the Three Sovereigns [*Tayna trekh gosudarey*]. Moscow: Komsomol'skaja pravda, 2017 (in Russian).
2. Becher T., Trowler P. Academic Tribes and Territories: Intellectual Enquiry and the Cultures of Disciplines. 2nd ed. Buckingham: Open University Press; 2001.
3. Górný M. Science Embattled: Eastern European Intellectuals and the Great War. Aderborn: Schoeningh; 2019.
4. Link P. China: The Anaconda in the Chandelier. *The New York Review of Books*. 2002. April 11.
5. Uvarov P. Yu. How the community of historians works (about A. V. Gordon's book and its sad heroes). In: French Yearbook 2020: Wars and Revolutions in Modern Times [*Frantsuzskiy ezhegodnik 2020: Voyny i revolyutsii v Novoe vremya*]. Ed. by A. V. Chudinov. Moscow: IVI RAN; 2020. P. 319–343 (in Russian).
6. David-Fox M. Modernity in Russia and the USSR: Absent, Common, Alternative, Intertwined? *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2016;(4):19–44 (in Russian).
7. Renner A. Research on the history of medicine in the eighteenth and nineteenth centuries in the West. New Perspectives and Problems. In: Russian Medicine in the Years of War and Peace: New Documents and Research [*Medicina Rossii v gody vojny i mira: Novye dokumenty i issledovaniya*]. Ed. L. Bulgakov. St. Petersburg; 2012. P. 213–25 (in Russian).
8. Borodulin V. I., Banzeluk E. N., Berger E. E. XXI century: who to write the history of medicine — doctors for doctors or historians for historians? In: Opera Medica Historica. Proceedings of the History of Medicine: the RIHM Almanac [*Opera Medica Historica. Trudy po istorii mediciny: Al'manah ROIM*]. Ed. by K. A. Pashkov. Moscow: OOO "Lakujer Print"; 2019. Is. 4. P. 42–8 (in Russian).
9. Glyantsev S. P. On the social and traditional history of medicine, or on whom to study and teach the history of medicine in the XXI century? (polemical notes). In: Opera Medica Historica. Proceedings of the History of Medicine: the RIHM Almanac [*Opera Medica Historica. Trudy po istorii mediciny: Al'manah ROIM*]. Ed. by K. A. Pashkov. Moscow: OOO "Lakujer Print"; 2019. Is. 4. P. 49–65 (in Russian).
10. Gross-Solomon S., Hutchinson J. Health and society in revolutionary Russia. Bloomington; 1990.
11. Williams Ch. Health and welfare in St. Petersburg, 1900–1941: Protecting the collective. London; 2018.
12. Grant S. Soviet nightingales: Care under communism. Ithaca; 2022.
13. Soviet Medicine. Culture, Practice and Science. Ed. by F. L. Bernstein. DeKalb; 2010.
14. Michel D. Medical Anthropology [*Medicinskaya antropologiya*]. Moscow: Delo; 2017 (in Russian).
15. Mironova N. A. The Great Epidemic: Typhus in Russia in the First Years of Soviet Power [*Velikaya epidemija: synnoy tif v Rossii v pervye gody sovetskoy vlasti*]. Moscow; 2020 (in Russian).
16. Andreev E., Darsky L., Kharkova T. Population of the Soviet Union, 1922–1991 [*Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922–1991*]. Moscow; 1993 (in Russian).
17. Blum A. L'Anarchie bureaucratique. Statistique et pouvoir sous Staline, (avec Martine Mespoulet). Paris: La Découverte; 2003.
18. Nakachi M. Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union. Oxford University Press; 2021.
19. Byford A. Science of the Child in Late Imperial and Early Soviet. Oxford University Press; 2020.
20. Hoffmann D. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism: 1914–1939. Ithaca, NY: Cornell University Press; 2011.
21. Hoffmann, D. and Timm, A. 'Utopian Biopolitics: Reproductive Policies, Gender Roles and Sexuality in Nazi Germany and the Soviet Union.' Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared. Ed. by M. Geyer and S. Fitzpatrick. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
22. Polianski I. Das Schweigen der Ärzte. Eine Kulturgeschichte der sowjetischen Medizin und ihrer Ethik. Stuttgart; 2014.
23. Prozorov S. The Biopolitics of Stalinism: The Ideology and Life in Soviet Socialism. Edinburg: Edinburg University Press; 2017.
24. Afanasieva A. E. A new history of medicine in the twenty-first century. *Prepodavatel' XXI vek*. 2016;(4):486–99 (in Russian).
25. Collier S. Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton, NJ: Princeton University Press; 2011.
26. Geipel I. Schoner Neuer Himmel. Aus dem Militärlabor des Ostens. Hamburg; 2022.
27. Zinoviev A. A. Homo soveticus: para bellum [*Homo soveticus: para bellum*]. Moscow: Moskovskiy rabochiy; 1991 (in Russian).
28. Kharkhordin O. To denounce and hypocrisy: Genealogy of the Russian personality [*Oblichat' i licemerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti*]. St. Petersburg: EUSPbPRESS; 2002 (in Russian).
29. Klaus G. Der Homo Sovieticus und der Zerfall des Sowjetimperiums. Jurij Levadas unliebsame Sozialdiagnosen. *Zeithistorische Forschungen = Studies in Contemporary History. Online-Ausgabe*. 2013;10(2). Available at: <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Gestwa-2-2013>
30. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford University Press; 1999.
31. Fitzpatrick Sh. Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton University Press; 2005.
32. Born to Be Criminal. The Discourse on Criminality and the Practice of the Punishment in the late Imperial Russia and Early Soviet Union. Interdisciplinary Approaches. Nikolosi R., Hartmann A. (eds). Bielefeld: Transcript; 2017.
33. Stoler A. Colonial Archives and the Arts of Governance: On the Content in the Form. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ed. by F. X. Blouin, W. G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press; 2006.
34. Afanasyeva A. E. Research program and problem field of "new history of medicine" in XXI century. *Istoriya: elektronnyy obrazovatel'nyy zhurnal*. 2015;(9):12 (in Russian).
35. Ratmanov P. E. Soviet Public Health in the International Arena in the 1920s–1940s: Between "Soft Power" and Propaganda (Western Europe and the USA) [*Sovetskoe zdavoookhranenie na mezhdunarodnoy arene v 1920–1940-kh gg.: mezhdru «myagkoy siloy» i propagandoy (Zapadnaya Evropa i SShA)*]. Khabarovsk: FEFGMU Press; 2021 (in Russian).
36. Iakob B. C. Health. Socialism goes global: Soviet Union and Eastern Europe in the Age of Decolonization. Ed. by J. Mark, P. Betts. Oxford; 2022. P. 270–4.
37. Bashkuev V. S. Historical Experience of Interaction of Russia and Mongolian Peoples in the Field of Medicine and Health Protection: Last Third of XIX — First Half of XX Centuries [*Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya Rossii i mongol'skikh narodov v oblasti meditsiny i okhrany zdorov'ya: poslednyaya tret' XIX — pervaya polovina XX vv.*]. Diss. Doctor of History. Ulan-Ude; 2017 (in Russian).
38. Cavanaugh C. M. Backwardness and Biology: Medicine and Power in Russian and Soviet Central Asia, 1868–1934. PhD Diss. New York: Columbia University; 2001.
39. Michaels P. A. Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh: Pittsburgh University Press; 2003.
40. Khalid Ad. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. University of California Press; 2014.